РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЫ

URGENT PROBLEMS OF EUROPE

Научный журнал
2012 – № 3

ЕВРОПА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

EUROPE AND POLITICAL DEVELOPMENTS IN THE MIDDLE EAST

Издается с 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Москва
2012

Журнал «Актуальные проблемы Европы»

Ольга Новикова

Актуальные проблемы Европы №3 / 2012

«Агентство научных изданий»

2012

УДК 331.5
ББК 66(4)

Новикова О. Н.

Актуальные проблемы Европы №3 / 2012 / О. Н. Новикова — «Агентство научных изданий», 2012 — (Журнал «Актуальные проблемы Европы»)

Рассматриваются новые тенденции в политике Евросоюза и отдельных европейских государств, связанные с резким обострением ситуации на Ближнем и Среднем Востоке. Анализируются европейские интересы в этом регионе и стратегия их обеспечения в условиях сложных трансформационных процессов в арабском мире. Прослеживается политика европейских стран в отношении Ирана и Афганистана. Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК 331.5
ББК 66(4)

© Новикова О. Н., 2012
© Агентство научных изданий, 2012

Содержание

Сведения об авторах 5
Предисловие 7
Введение 9
Европа и «арабская весна» 5 13
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Ольга Новикова
Актуальные проблемы Европы №3 / 2012

Сведения об авторах

Видясова Мария Федоровна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политологии стран Востока, Институт стран Азии и Африки МГУ.

Vidiassova M.F. – doctor of science (Sc.D.) in History, Professor, Head of the Chair of Political Science, Institute of Asian and African Studies. Moscow State University (MSU). (polit.iaas.msu@mail.ru)

Кудряшова Ирина Владимировна – кандидат политических наук, доцент, кафедра сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Kudryashova I.V. – candidate of sciences (Ph.D) in Political Science, Prof.(Assoc.), Chair of Comparative Political Science, Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia; Senior researcher, INION, Russian Academy of Sciences. (kudryashova23@yandex.ru)

Мохова Ирина Михайловна – кандидат политических наук, редактор научного и общественно-политического журнала «Азия и Африка сегодня».

Mokhova I.M. – candidate of sciences (Ph.D) in Political Science. Editor of an academic journal «Asia and Africa today». (irina-mokhova@yandex.ru)

Мохов Николай Валерьевич – кандидат политических наук, заместитель начальника регионального отдела ОАО «Рособоронэкспорт».

Mokhov N.V. – candidate of sciences (Ph.D) in Political Science. Deputy Chief of regional division of JSC «Rosoboronexport». (n-mokhov@yandex.ru)

Новикова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Novikova O.N. – candidate of sciences (Ph.D) in History, Senior researcher, INION, Russian Academy of Sciences. (novikova@inion.ru).

Погорельская Светлана Вадимовна – кандидат политических наук, доктор философии Боннского университета, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Pogorelskaya S.V. – candidate of sciences (Ph.D)in Political Science, PhD (University of Bonn), Senior researcher, INION, Russian Academy of Sciences. (pogorels@mail.ru)

Подцероб Алексей Борисович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Podtserob A.B. – candidate of sciences (Ph.D) in History, Leading researcher, Centre for Arab and Islamic Studies. The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (podtserob@yandex.ru)

Рябцев Владимир Николаевич – кандидат философских наук, заведующий Лабораторией геополитических проблем Черноморско-Кавказского региона Северо-Кавказского научного центра высшей школы (Южный федеральный университет); председатель Совета Регионального центра конфликтологии и миротворчества, доцент.

Ryabtsev V.N. – candidate of sciences (Ph.D) in Philosophy. Head of the Laboratory of geopolitical problems of the Black Sea-Caucasus Region, North-Caucasus Scientific Centre of Higher School, South Federal University; Chief of the Board of the Regional Centre of Conflictology and Peacemaking; Prof.(Assoc.). (v_ryabtsev@mail.ru)

Шлыков Павел Вячеславович – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ, председатель Совета молодых ученых ИСАА МГУ.

Chlykov P.V. – candidate of sciences (Ph.D) in History, assistant professor of the Middle Eastern History Department, Institute of Asian and African Studies. Moscow State University (MSU), Chairman of the Council of Young Scientists of the Institute of Asian and African Studies. (chlykov@gmail.com)

Предисловие
«Большой Ближний Восток», или «Расширенный Ближний Восток и Северная Африка». История возникновения и содержание термина

С недавних пор в политическую лексику вошло понятие «Большой Ближний Восток» («Enlarged Middle East»), которое в официальных международных документах фигурирует как «Расширенный Ближний Восток и Северная Африка (РБВСА)». Оно заметно отличается от устоявшихся историко-географических представлений, подразумевая обширное пространство: от Мавритании (бывшей части Французской Западной Африки) до Ирана, Пакистана и Афганистана[1].

В вольной интерпретации некоторых западных политологов это пространство, имплицитно объявленное, хотя и под благовидным предлогом, зоной американских национальных интересов, включает также Центрально-Азиатский регион, т. е. бывшую советскую Среднюю Азию и Казахстан.

Идея оказания Соединенными Штатами содействия демократизации и развитию стран РБВСА была выдвинута президентом Джорджем Бушем-мл. в 2002 г. Многие в арабском мире расценили эту идею как намерение навязать ему силой западную модель демократии.

Это негативное впечатление усилило американское вторжение в Ирак. Помнится, одна наша коллега, преподаватель Каирского университета Айн-Шамс, сказала вскоре после этого события: «Саддам Хусейн, конечно, негодяй. Но когда я смотрела по телевизору, как сыплются американские бомбы на Багдад, то думала: “А если американцам что-то не понравится у нас, то они разбомбят Каир?”»

Вместе с тем необходимость модернизации была очевидна и самим лидерам арабских стран. Так, в мае 2004 г. на сессии Совета Лиги арабских государств (ЛАГ), прошедшей на высшем уровне в Тунисе, был принят документ «Путь развития, обновления и реформ», в котором выражалась твердая решимость стран – членов ЛАГ осуществить социально-экономические, политические и культурные реформы, взаимодействуя с неправительственными организациями и «всеми слоями общества». Но там же оговаривалось, что такие перемены должны соответствовать культурным и религиозным традициям народов региона [Масират ат-татвир…].

Опасения арабов несколько уменьшило подключение к идее реформирования РБВСА «группы восьми», которая на саммите на Си-Айленде в июне 2004 г. одобрила документ «Партнерство во имя прогресса и общего будущего с регионом Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки», в котором фиксировалась готовность «восьмерки» оказывать содействие странам РБВСА в продвижении к демократии. Отмечалось, что в проведении реформ наряду с правительствами должны принимать участие институты гражданского общества и деловые круги, а также акцентировалось, что осуществление преобразований приведет к росту среднего класса и его более широкому вовлечению в управление государством.

В практическом плане было сделано немногое. Европейский союз оказал помощь в организации выборов на Палестинских территориях, Франция и Италия предоставили поддержку проведению выборов в парламент Йемена (2003). ЕС, Франция и Великобритания помогали совершенствованию судебных систем Сирии, Иордании, Палестинских территорий, Франция и Великобритания – модернизации средств массовой информации Египта, САР, Ливана,

[1] *Последние три страны в русскоязычной литературе принято относить к Среднему Востоку.*

Марокко. Кроме того, США, Франция, Германия, Япония, Канада и Фонд ООН для развития в интересах женщин оказывали содействие процессам эмансипации женщин в странах РБВСА.

Для поддержания диалога между «восьмеркой» и 19 странами Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки был создан «Форум будущего», последнее заседание которого состоялось 12–13 января 2011 г. в Дохе [см.: Инициатива…]. Это произошло накануне падения в Тунисе авторитарного режима президента Бен Али, которое стало первым звеном в цепи арабских «революций». Двусмысленная роль в их развитии ведущих держав НАТО хорошо известна, тогда как результаты, пусть пока промежуточные, вызывают больше разочарований, чем надежд.

Литература

Инициатива «большой восьмерки» и Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки. Форум будущего // 7-й Форум будущего. – Режим доступа: http://forumfuture.qatar-conferences.org/RU/Pages/GeneralInformation.aspx

Масират ат-татвир ва ат-тахдис ва аль-ислах /на арабском языке = Путь развития, обновления и реформ // La Presse de Tunisie. – 2004. – 24.05.

М.Ф. Видясова, А.Б. Подцероб

Введение

Европейцы приходят к пониманию того факта, что в ближайшие десятилетия именно в регионе Ближнего и Среднего Востока формируется эпицентр бурь и потрясений, которые окажут огромное воздействие на развитие Европы.

Европа хочет стабильности в государствах Ближнего Востока и Северной Африки, но имеет при этом в виду интересы не населения этих стран, а свои собственные. Этот регион важен для Европы в связи с проблемами, связанными с миграцией, энергетическими ресурсами[2] и безопасностью.

Миллионы арабов живут в Европе, политика ассимиляции не увенчалась успехом. Марин Лё Пен, лидер крайне правой организации Национальный фронт, призывает к выдворению иммигрантов и пользуется поддержкой 21 % населения Франции. Похожая картина в других странах Европы. Но поток иммигрантов не прерывается. Север богат и «стар», Юг беден и «молод». Медиана возрастного состава[3] в Италии и Испании – 40 (лет), а в Тунисе – 25, в Египте, Ливии, Марокко – 22, в Сирии – 19, в Йемене – 16. Миллионы молодых безработных и миллионы людей, живущих менее чем на два доллара в день, стремятся к социальной справедливости и к получению работы не меньше, чем к реализации права голоса на выборах руководителей своих государств. Обманутые в своих ожиданиях, они двинутся в Европу. Европейские лидеры много говорят сейчас о необходимости демократических преобразований на Ближнем и Среднем Востоке, но более насущная проблема для Европы – бурный поток нелегальной иммиграции из бушующего региона.

В акциях социального протеста на Ближнем и Среднем Востоке участвуют молодежные движения, представители светского верхнего класса и исламисты, которые при проведении демократических выборов в состоянии собрать около трети голосов избирателей. Такие выборы уже прошли в Тунисе, Марокко и Египте, где победили умеренные исламисты, а не экстремисты, хотя неумеренные салафиты в лице консервативной партии-коалиции «Нур» («Свет») получили 24 % депутатских мандата в Народном собрании Арабской Республики Египет.

В свете бурных политических процессов на Ближнем Востоке и в Северной Африке Европейский союз (ЕС) вынужден реформировать свою политику в данном регионе. Согласно решению глав государств и правительств от 4 февраля 2011 г., Европейская политика соседства (ЕПС)[4] и Средиземноморский союз должны и в будущем задавать параметры и масштабы сотрудничества с государствами Южного Средиземноморья. ЕС 8 марта 2011 г. утвердил Совместное заявление верховного представителя Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности и Европейской комиссии «Партнерство во имя демократии и общего процветания Южного Средиземноморья», а 25 мая дополнил его пересмотренной политикой европейского соседства [A New response to… 2011]. Это предложение устанавливает новые отношения между ЕС и его соседями, основанные на взаимной ответственности и принципе «больше (помощи, интеграции) за больше (демократических реформ)». Среди прочего в документе содержится обязательство «поддержать учреждение Европейского фонда демократии для помощи политическим партиям, незарегистрированным неправительственным организациям, профсоюзам и другим социальным партнерам».

---

[2] *Зависимость государств Евросоюза от нефти Ближнего Востока и Северной Африки – более 30 %. Цены на нефть подскочили.*

[3] *Медиана возрастного состава – такое значение возраста, которое разби– вает все население или группу населения на две равные части: людей младше данного возраста и людей старше данного возраста*

[4] *Страны, включенные в сферу Европейской политики соседства в Средиземноморском регионе: Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко, Сирия, Тунис, а также Палестинская автономия.*

«Арабские революции» поставили под вопрос деятельность Средиземноморского союза, который и до известных событий сталкивался с большими проблемами в осуществлении таких основополагающих проектов, как борьба с загрязнением бассейна Средиземного моря, создание морских и наземных транспортных путей, поддержка общих правовых норм, план по использованию солнечной энергии, создание Евросредиземноморского университета, бизнес-инициативы. Проект Средиземноморского союза (полное название проекта – «Барселонский процесс: Союз для Средиземноморья») был призван заменить собой Барселонский процесс. В свете новых событий проекты Союза кажутся далекими от актуальных нужд арабских народов, вставших на путь социально-политических перемен. Вопрос в том, насколько активной станет политика Союза в этом регионе. Но, несомненно, деятельность Союза будет сильно политизирована. Игнорировать внутриполитическое развитие региона будет невозможно. Напомним, что Средиземноморский союз не является инструментом ЕС, и странам, не являющимся членами Евросоюза, предоставлены равные права со странами ЕС в сфере принятия решений. Однако многое будет зависеть от новой линии Евросоюза. Если Евросоюз займет вполне определенную позицию в поддержку политических реформ в арабских странах, введет политические критерии при осуществлении проектов, политизирует свою деятельность, то ряд стран Средиземноморья могут оказаться за бортом.

Евросоюз уже имел опыт проведения трансформационных процессов. Разумеется, страны Южного Средиземноморья нельзя сравнивать с государствами Центральной и Восточной Европы. Однако можно выделить ряд вопросов, которые, как показывает опыт трансформации восточноевропейских стран, могут встать перед реформаторами. Вполне возможна ностальгия по старым временам Мубарака и Бен Али. Завышенные ожидания неминуемо приведут к разочарованиям. Какова будет судьба свергнутых политических и экономических элит? Бывшие правящие партии в Египте и Тунисе распущены, но сами члены этих партии остались. Можно ли заставить могущественные секретные службы действовать в соответствии с демократическими законами? Кроме того, известно, что во время демократического транзита в странах ЦВЕ ключевую роль играло гражданское общество. Но оно на Ближнем Востоке и в Северной Африке часто создается усилиями западных доноров, но не везде. Например, первая в арабском мире Тунисская лига за права человека, сложившаяся в 1976 г. и официально учрежденная 7 мая 1977 г., не была создана «усилиями западных доноров». Кто уж ей покровительствовал, так это Васила Бургиба, жена президента Бургибы. Как найти верный баланс внешних инициатив и местных приоритетов и интересов, которые часто приходят в столкновение друг с другом? Неправительственные организации на Большом Ближнем Востоке – это только часть гражданского общества. Как включить в процесс демократических преобразований людей, исповедующих политический ислам? Необходимо задуматься о том, какая политическая модель – президентская или парламентская – приведет к укреплению демократии. А может быть, попытаться доказать легитимность новых режимов, направляя все усилия на борьбу с безработицей, на экономическое развитие и проведение реформ в сфере социального обеспечения? В странах Центральной и Восточной Европы переход к демократии не сопровождался (за исключением Югославии) войнами и насилием. Удастся ли их избежать на Ближнем Востоке и в Северной Африке? И каким образом? Для стран ЦВЕ заманчивой оказалась перспектива вступления в Евросоюз при условии выполнения определенных требований. Вряд ли Европейская политика соседства или Средиземноморский союз смогут сыграть главную роль в процессе общественно-политических трансформаций Ближнего и Среднего Востока.

С самого начала «арабской весны» Турция пыталась подтвердить взятую на себя роль регионального лидера, особенно в условиях унижения Ирака и падения влияния Ирана на арабский мир. Хотя Турция и не воспротивилась решению НАТО осуществить воздушные налеты на позиции сторонников Каддафи, однако она выступала за мирное разрешение проблемы с помощью переговорного процесса. Действия Турции в связи с гибелью турецких граж-

дан на судне из состава «флотилии свободы» расцениваются экспертами как попытка играть определенную роль и в палестинских делах. Как известно, Р. Эрдоган призвал арабские страны поддержать заявку Палестины на членство в ООН.

Можно предположить, что, проводя столь активную политику на Большом Ближнем Востоке, Анкара пытается продемонстрировать ЕС свою значимость как державы, которая имеет ключ к дверям региона, столь важного для Европы. Она хочет дать понять Европе, что Турция всегда найдет общий язык с мусульманскими странами и что она в состоянии оказывать на них влияние в нужном для Европы направлении.

Вместе с тем очевидно, что Анкара пытается представить свою модель развития как удачное сочетание ислама и демократии, хотя Турция официально является светским государством, которое долгие годы в качестве стратегической цели имело вступление в ЕС. Принимая во внимание такую двойственную природу государственной организации Турции, Европа продолжает оказывать влияние на Турцию в плане развития там демократии европейского образца. Эффективное средство достижения этой цели – деятельность европейских неправительственных организаций.

Даже на фоне развития событий в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии и Йемене европейцы продолжали пристально следить за ситуацией вокруг ядерной программы Ирана. В Европе заметили, что 5 апреля 2011 г. Иран объявил о создании центрифуг нового поколения, количество которых должно достигнуть 12–14 тыс. единиц. В результате уже к 2015 г. Тегеран может стать обладателем ядерного оружия, что, несомненно, повлияет на политическую ситуацию на всем Ближнем и Среднем Востоке. В этом случае Соединенные Штаты совместно с Израилем могут решиться на проведение превентивной военной операции против Исламской Республики Иран (ИРИ). Что касается европейских стран, то они будут вынуждены определиться со своей стратегией в этом регионе. Недавняя военная операция Франции, Великобритании и США в Ливии неизбежно заставит иранское руководство прийти к выводу о том, что единственным средством, способным предотвратить военную акцию со стороны западных держав, является обладание ядерным оружием.

В зоне постоянного внимания европейцев по-прежнему находится соседнее с Ираном государство – Афганистан. Европейские государства пытаются осуществлять здесь целый ряд функций, главные из которых – ведение военных действий против движения «Талибан» в составе сил НАТО и государственное строительство. Усилия международного сообщества после 2001 г. представляют собой новый раунд интернационализированного государственного строительства. По мнению Б. Рубина (Центр международного сотрудничества Нью-Йоркского университета), государственное строительство заключается в мобилизации трех типов ресурсов: принуждение, капитал (совокупность реальных и финансовых активов) и легитимность [Rubin B.R., 2006, p. 179]. Главный финансовый институт, который руководит мобилизацией ресурсов, – это бюджет. Предоставление помощи, минуя бюджет страны-реципиента, препятствует развитию успешного и самостоятельного управления. Сегодня руководители Афганистана ведут переговоры с внешними акторами с целью получения помощи (капитала) для государственного строительства и укрепления безопасности. Несмотря на то что в стране были проведены президентские (2009) и парламентские (2010) выборы, местные граждане зачастую чувствуют себя лишенными возможности реально влиять на принятие решений, потому что лидеры страны обращаются не к своим гражданам, а к иностранным партнерам для подтверждения своей легитимности и власти. Таким образом, легитимность в Афганистане имеет двойственный характер: легитимность с точки зрения международного сообщества и легитимность с точки зрения самих граждан.

Что касается демократического развития, то на нынешнем этапе внедрение демократии в Афганистане представляется сомнительным, однако значительная часть граждан полагает, что демократия совместима с исламскими ценностями [Dalton R.J., 2008, p. 87]. Следует заме-

тить, что после 2006 г. у значительной части населения Афганистана возникло заметное разочарование ходом процессов демократизации и сомнения относительно способности демократии работать во благо каждого гражданина. Процесс демократизации связан с необходимостью соответствующей трансформации местной политической культуры, между тем создается впечатление, что в последние несколько лет общественное мнение страны движется в противоположном направлении.

Литература

Dalton R.J. The road to democracy in Afghanistan // State building, security, and social change in Afghanistan. Reflections on a survey of the Afghan people / Ed. by Rennie R. // Asia Foundation. – Kabul, 2008. – P. 65–87. – Mode of access: http://www.asiafoundation.org/publications/force-download.php?f=%2Fresources%2Fpdfs%2F2008surveycompanionvolumefinal.pdf

A New response to a changing neighbourhood: A review of European neighbourhood policy: Joint communication by the High representative of The Union for foreign affairs and security policy and the European Commission. COM (2011) 303. – Brussels, 2011. – May 25. – Mode of access: http://ec.europa. eu/world/enp/pdf/com_11_303_en.pdf

Rubin B.R. Peace building and state-building in Afghanistan: constructing sovereignty for whose security? // Third World quarterly. – 2006. – Vol. 27, N 1. – P. 175–185. – Mode of access: http://www.ssrnetwork.net/uploaded_files/3389.pdf

О.Н. Новикова

Европа и «арабская весна» [5]

И.В. Кудряшова

Аннотация. *Статья содержит анализ рамок взаимодействия ЕС / Запада и Арабского Востока в постбиполярную эпоху. На основе эмпирической базы автор исследует события 2010–2011 гг., порожденные сложным сочетанием внутренних и внешних факторов, имеющих особую конфигурацию для каждой страны. В заключение рассматривается феномен «исламизации» политического пространства региона и подчеркивается объективный и современный характер этого процесса.*

Abstract. *The article explores the framework of cooperation between the EC / West and the Arab countries in the post-bipolar era. Using empirical data, the author examines the overwhelming events of 2001–2011, generated by a complex combination of external and internal factors that have a specific configuration for every country. It is concluded that on-going Islamization of political space in the region can be regarded as consistent and modern.*

Ключевые слова: *Барселонский процесс, Средиземноморский союз, «Расширенный Ближний Восток», демократизация, мусульманское общество, политический ислам, гибридный режим, политическое развитие, «арабская весна».*

Keywords: *Barcelona process, Mediterranean union, «Greater Middle East», democratization, reform, Muslim society, political Islam, hybrid regime, political development, «Arab spring».*

В XX в. отношения Европы и арабских стран складывались непросто. Коллективная память арабов хранит воспоминания о декларации Бальфура, создании Израиля и войнах за освобождение Палестины, о мандатной системе Лиги Наций, установленной Антантой во имя «священной миссии цивилизации», о тяжелейшей борьбе за независимость, о геополитическом соперничестве сверхдержав и их союзников, раскалывавших «арабское отечество» на противоборствующие лагеря, о порожденных заимствованными стратегиями развития социокультурных и политических проблемах, особенно острых там, где их не «смягчали» весьма значительные запасы углеводородов.

Распад социалистической системы и самого СССР привел к эрозии эгалитаризма и резкому усилению капиталистической интернационализации, для которой не осталось отгороженных «железным занавесом» пространств. Новая Россия не проявила стратегического интереса к сотрудничеству с арабским миром. Он оказался наедине с Западом и его стратегическими интересами, имеющими в регионе достаточно противоречивый характер: это экономическая либерализация, политические реформы, поддержка Израиля и сохранение стабильности ради собственной энергетической безопасности и успешной борьбы с исламистским терроризмом.

Для новых экономических и политических реалий требовались новые форматы взаимодействия. Одни из них были разработаны и реализованы Европейским союзом (ЕС), другие – в первую очередь США при европейском участии. Собственно, активные действия Запада, особенно в 2000-х годах, по консолидации под своим влиянием этой части международной периферии породили многочисленные комментарии о «руке империализма» в событиях, за которыми закрепилось название «арабская весна»[6].

Опуская материалы, написанные в логике «всяка нечисть бродит тучей и в проезжих сеет страх» (Высоцкий), мы хотели бы признать правоту тех авторов, которые отмечают значение внешних факторов в сегодняшних арабских кризисах. Однако, по нашему мнению, их

---

[5] *Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного науч– ного фонда (РГНФ), проект № 12-03-00468 «Ислам и современное политическое развитие мусульманских государств».*

[6] *Под «арабской весной» имеются в виду массовые антиправительственные выступления в странах Ближнего Востока, начавшиеся в декабре 2010 г. с волнений в Тунисе.*

воздействие имело очень неоднозначный характер: в большинстве случаев оно проявилось опосредованно, не было доминирующим и имело макрорегиональную («расширенно-ближневосточную»), а не американскую или европейскую привязку. Одновременно это означает признание спонтанности и автохтонности «арабской весны», ее неожиданности для Европы и мира в целом. Чтобы аргументировать нашу позицию и оценить перспективы европейско-арабских отношений в свете происходящих трансформаций, представляется необходимым осветить следующие вопросы: а) результаты освоения ближневосточного пространства западной коалицией / ЕС в 1990–2000-х годах; б) факторы выживаемости и дестабилизации арабских режимов; в) перспективы преодоления кризиса в условиях «исламизации» политического процесса.

Запад: проекты и реальная политика

Освобождение Кувейта силами многонациональной коалиции во главе с США в 1991 г. стало первым масштабным актом вхождения Запада в ближневосточное пространство после распада биполярности. Успех этой операции рельефно выявил новые возможности установления многостороннего контроля над регионом и его подключения к процессам формирования нового мира. Арабский Восток вновь начал восприниматься как естественная зона для европейского расширения.

В начале 1990-х годов Европейский союз приступил к подготовке проекта Евросредиземноморского партнерства (EUROMED)[7], старт реализации которого был дан учредительной конференцией в Барселоне (1995). Проект имел как двусторонний (страновые соглашения об ассоциации с ЕС), так и макрорегиональный (интеграционный) характер и был направлен, особенно учитывая участие Израиля, на установление новой рамки геополитического взаимодействия с арабскими соседями.

Партнерство имело три измерения: политическое, финансово-экономическое и социокультурное. Первое выражалось в намерении превратить Средиземноморье в зону мира и стабильности, что подразумевало продвижение законности и демократии, уважение прав человека, борьбу с терроризмом, контроль над вооружениями и пр. Второе предусматривало либерализацию предпринимательской деятельности, экономическое сотрудничество, финансовую поддержку и образование в перспективе зоны свободной торговли. Третье было нацелено на диалог между религиями и культурами и развитие человеческих ресурсов, в том числе через образование, здравоохранение и свободную миграцию [см.: Barcelona declaration… 1995].

В 2004 г. произошло дополнение EUROMED стратегией Европейской политики соседства (ENP), в которую после снятия санкций вошла также и Ливия. Инструменты ENP были призваны содействовать более интенсивному политическому диалогу, расширению доступа к программам ЕС и усилению сотрудничества в сфере законности и внутренней политики.

Несмотря на наличие постоянного механизма обсуждения, организационной структуры и специального бюджета, результаты реализации евросредиземноморской инициативы к середине 2000-х годов выглядели неоднозначно. В частности, эксперты отмечали отсутствие ясного политического посыла, недостаточность усилий по запуску реформ, несбалансированность отношений между членами ЕС и партнерами, медлительность в финансовом сотрудничестве, бюрократизацию и пр. [Rhein E., 2005, p. IX-X]. Самир Амин прямо назвал партнерство банкротом из-за отсутствия подлинного диалога между Европой и арабами, стремления «навязать» интеграции Израиль и раздел единого арабского мира на «средиземноморский» и «несре-

[7] *Евросредиземноморское партнерство (Барселонский процесс) – соглашения об ассоциации ЕС и восьми арабских стран Южного и Восточного Средиземноморья (включая Палестинскую национальную автономию), а также Турции и Израиля; статус наблюдателя имели Ливия, Мавритания, Лига арабских государств и Союз арабского Магриба.*

диземноморский» [Amin S., 2005, p. 90]. Субрегиональную (арабскую) интеграцию крайне затрудняли несбалансированная интегрирующая среда, т.е. однотипное и при этом неравномерное развитие, и политические разногласия.

Крайне негативное влияние на деятельность EUROMED оказала война в Ираке, начатая в 2003 г. США при поддержке многонациональной коалиции. На юбилейном саммите 2005 г. из арабских лидеров присутствовал только глава Палестинской национальной автономии Махмуд Аббас.

Вдохнуть жизнь в затухающее сотрудничество был призван проект нового союза, который ограничил бы число участников партнерства средиземноморскими странами. Выдвинутый Николя Саркози во время президентской кампании 2007 г., он нес четыре основные идеи: пересмотр прежней неэффективной политики; усиление роли Франции как главного игрока в Средиземноморье; повышение роли региона в глобальной экономике (что подразумевало прямой доступ ЕС к газовым месторождениям Северной Африки); решение проблемы нестабильности южных рубежей. Однако французская инициатива встретила сильное противодействие со стороны Германии, воспринявшей ее как продвижение национальных интересов Франции за счет ЕС. В итоге проект Средиземноморского союза (UfM) был представлен как естественное продолжение Барселонского процесса и региональное дополнение Европейской политики соседства. Его стратегическими целями остались экономическая интеграция и демократические реформы, хотя приоритетные направления были «приземлены» и конкретизированы. Это борьба с загрязнением Средиземного моря, развитие транспортной инфраструктуры, открытие совместного университета, содействие малому и среднему бизнесу и др. [см.: Euro-Mediterranean…].

Размышляя о не слишком эффективной политике ЕС по «европеизации» Восточного и Южного Средиземноморья, следует учитывать деятельность других внешних акторов, в том числе с «европейской компонентой», – НАТО, «группы восьми», финансовых институтов ООН и, конечно, США, которые в качестве своей внешнеполитической цели стали рассматривать продвижение реформ на Арабском Востоке.

В 1994 г. был запущен Средиземноморский диалог, мыслившийся как форум сотрудничества в целях содействия региональной безопасности и лучшему взаимопониманию между НАТО, Израилем и шестью арабскими странами[8]. По оценке специалистов, эта структура объективно была обречена на достаточно ограниченную роль из-за политических разногласий между участниками, и ее скорее можно назвать инструментом укрепления доверия и превентивной дипломатии [Orfy M.M., 2011, p. 28–29]. В 2004 г. она была дополнена Стамбульской инициативой сотрудничества[9], принятой в целях развития практического двустороннего сотрудничества с заинтересованными странами региона [см.: NATO elevates…].

В 2004 г., после вторжения в Ирак, США на саммите G8 выдвинули мегаплан «Расширенного Ближнего Востока»[10], предусматривающий ускоренное продвижение политических и экономических реформ на огромной территории от Мавритании до Пакистана[11]. Он был критически воспринят – и не только в арабском мире – по целому ряду причин: безапелляционного тона, игнорирования разнообразия региона, отсутствия каких-либо консультаций, в том числе с европейскими партнерами, замалчивания арабо-израильского конфликта и др. «Мы

---

[8] *Участниками диалога являются Тунис, Марокко, Мавритания, Алжир, Египет и Иордания.*

[9] *Участниками инициативы являются Бахрейн, Катар, Кувейт и ОАЭ.*

[10] *Официальное название – «Партнерство во имя прогресса и общего будущего с регионом расширенного Ближнего Востока и Северной Африки».*

[11] *Инициатива включала пять основных компонентов: создание организационных рамок для обсуждения реформ представителями гражданских структур; формирование группы помощи демократическим реформам с участием организаций США и ЕС; учреждение многостороннего фонда для продвижения политических изменений; учреждение Ближневосточного корпуса грамотности; запуск пилотной программы для поощрения предпринимательства, формирования среднего класса, гражданского образования, новых неправительственных организаций и тренинга политических лидеров в вопросах демократии.*

не заинтересованы в продолжающихся разговорах о “расширенном Ближнем Востоке”. Мы заинтересованы в нашем арабском регионе… Арабский путь к реформе будет осуществляться в соответствии с арабскими приоритетами», – так выразил отношение к этому плану бывший египетский президент Хосни Мубарак [Al-Ahram, 2004]. Одновременно у администрации Джорджа Буша не возникло обоснованных идей относительно того, как можно добиться поставленных задач, если не считать предложения работать над соглашением о зоне свободной торговли (по аналогии с EUROMED) и специализированных программ Госдепартамента в рамках Инициативы ближневосточного партнерства (MEPI) [см.: Alterman J.B., 2004, p. 84–85]. Основным каналом «продвижения демократии» стали постоянное внешнеполитическое давление и деятельность различных правительственных и неправительственных организаций (Агентство США по международному развитию (USAID), Национальный фонд поддержки демократии (NED) и др.) по развитию гражданского общества. С приходом к власти Барака Обамы и началом мирового экономического кризиса финансирование подобных политических структур и программ было значительно сокращено.

По нашему мнению, США придавали и придают огромное значение «построению демократии» в Ираке, рассматривая его как своего рода «пилотный проект» мегаплана. Однако в 2006 г. из-за истощения финансовых и военно-технических ресурсов началась пробуксовка «войн за демократизацию», да и вся политика «принуждения к партнерству», как охарактеризовал ее Алексей Богатуров [Богатуров А.], оказалась в подвешенном состоянии. Двойственный характер имела известная речь Обамы в Каире (2009), где он много говорил об уважении к исламу, воле народов и суверенитете Ирака, но также о приверженности демократии и готовности повсюду поддерживать права человека [Obama B.].

Экономические реалии, привнесенные капиталистической интернационализацией 1990-х годов, имели для арабского мира очень неоднозначные последствия. Либерализация экономики[12] и сотрудничество с такими международными институтами, как МВФ и Всемирный банк, позволили ему подключиться к мировым хозяйственным связям, привлечь инвестиции, получить технологическую поддержку, осуществлять инфраструктурные программы и др., но вместе с тем сделали заложником мировой экономической конъюктуры. Страны, которые прибегали к помощи МВФ, были вынуждены соблюдать финансовую дисциплину и ограничивать социальную нагрузку бюджета. Особенно болезненно это было для тех, кто не входил в круг крупнейших экспортеров углеводородов и имел в силу прошлой «социалистической ориентации» значительный государственный сектор экономики (Египет, Тунис, Сирия). Реформа этого сектора помимо социально-экономических последствий была «идейно чувствительной» в силу его привязки к борьбе за независимость, арабскому социализму и принципам эгалитаризма.

В результате структурной перестройки экономики в соответствии с крайне консервативным (или, точнее, неолиберальным) Индексом экономической свободы[13] 2010 г. «преимущественно свободными» были признаны Бахрейн и Катар, «умеренно свободными» – Кувейт, Оман, ОАЭ, Иордания, Королевство Саудовская Аравия (КСА), «преимущественно несвободными» – Ливан, Марокко, Египет, Тунис, Алжир, «подавляемыми» – остальные[14] [2010 Index…].

Мировой кризис 2008–2009 гг. по-разному, но очень значительно затронул Арабский Восток, увеличив социально-политическое давление на правящие элиты. Рост цен на продо-

---

[12] *С 1995 по 2005 г. в ВТО вступили следующие государства – члены Лиги арабских государств: Бахрейн, Джибути, Египет, Иордания, Катар, Кувейт, Мавритания, Марокко, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Тунис; еще семь арабских стран являются кандидатами.*

[13] *Ежегодно рассчитывается «Херитедж фаундейшн» и «Уолл-стрит джорнал»; страны приведены в соответствии с занимаемым местом по нисходящей.*

[14] *Для сравнения: индекс КСА – 64,1, Египта – 59,0, Алжира – 56,9, России – 50,3 [2010 Index…].*

вольствие в первую очередь ударил по ненефтяным экономикам (регион является крупнейшим в мире импортером зерновых и продуктов питания). Прежде всего это коснулось Йемена, Магриба, Иордании, Ливана, а также Египта, осуществлявшего субсидирование основных продуктов питания. Наиболее диверсифицированные экономики (Египет, Иордания, Ливан, Морокко и Тунис) пострадали от сокращения внешнего спроса (снижения туристического потока, уменьшения перечислений рабочих-иммигрантов и прямых иностранных инвестиций). Нефтепроизводители выиграли от роста цен на сырье, но высокие цены поддерживались за счет существенного сокращения производства. Они также понесли большие потери от кризиса ликвидности и замораживания оптовых рынков [подробнее см.: Economic development..; 2010 Economic prospects…].

Как же оценить сотрудничество региона с Европой / Западом в 1990–2000-х годах? С одной стороны, оно вызвало распространение рыночных механизмов, рост ВВП, а также стандартов жизни, информационной открытости, уровня образования, способствовало появлению новых групп интересов, которые хотели бы влиять на принятие политических решений, с другой – не продвинуло демократические реформы, т. е. политическую инфраструктуру урегулирования будущих кризисов. Государственная бюрократия, военные и другие клики продолжали доминировать в политическом процессе. Ниже мы проанализируем его более подробно.

Стабильность и кризис арабских режимов

С началом постбиполярной эры и активного подключения к капиталистической интернационализации / глобализации арабские элиты были вынуждены задуматься о проведении политических реформ с целью укрепления легитимности на международной и внутренней арене. В той или иной степени реформы затронули как республиканские, так и монархические системы. Приведем лишь некоторые примеры: 1989 г. – после более чем двух десятилетий «каникул» возобновлены парламентские выборы в Иордании; 1990 г. – расширен состав сирийского парламента за счет увеличения квоты для независимых депутатов; 1992 г. – восстановлены регулярные выборы в Кувейте, принят «Основной закон о государственной власти» и образован Консультативный совет в КСА[15]; 1993 г. – первые многопартийные выборы в Йемене; 2002 г. – муниципальные выборы (с участием женщин) и выборы в Палату представителей в Бахрейне; 2003 г. – принятие Конституции в Катаре, провозгласившей принцип прямых выборов в будущую законодательную ассамблею; 2005 г. – частичные муниципальные выборы в КСА, первые альтернативные прямые президентские выборы в Египте и наделение женщин Кувейта пассивным и активным избирательным правом; 2006 г. – первые частичные (половины из 40 депутатов) непрямые выборы в Национальный федеративный совет ОАЭ[16] при установленной квоте каждого из эмиратов и расширение состава Консультативного совета КСА до 150 членов. С 2003 г. в КСА (при формальном, как и в других аравийских монархиях, запрете политических партий) стал функционировать Центр национального диалога имени короля Абдель Азиза с целью создать «новую среду, способствующую диалогу между различными секторами общества во имя продвижения общественного интереса и консолидации национального единства на основе ислама». Ежегодные раунды диалога через организацию широких дискуссий и собраний последовательно на локальном, провинциальном и национальном уровнях посвящены актуальнейшим вопросам в жизни общества: от «террористического подполья» (обвиняющего короля в отходе от исламских норм) до прав и обязанностей женщин и взаимодействия с другими культурами и миром [см.: Марказ аль-малик…].

---

[15] *Королевство Саудовская Аравия.*

[16] *Объединенные Арабские Эмираты.*

Однако одновременно с либерализацией имело место ужесточение контроля над СМИ, уровнем политических прав и свобод и оппозицией (чаще всего под предлогом борьбы с исламистским экстремизмом). В первую очередь это касалось влиятельных исламистских организаций. Например, в Тунисе при формальном сохранении многопартийности бывший президент Зин аль-Абидин Бен Али в 1992 г. запретил партию «Ан-Нахда» («Возрождение») и обеспечил политическую монополию собственной Конституционной демократической партии. Мубарак сохранил в Египте действие закона о чрезвычайном положении, введенного после убийства президента Анвара Садата в 1981 г., и отказался легализовать крупнейшую оппозиционную ассоциацию «Братья-мусульмане», члены которой участвовали в выборах либо в качестве независимых кандидатов, либо в блоке с другими партиями, заведомо проигрывая «партии власти». Более того, в поправках к Конституции, внесенных в 2007 г., содержался запрет на создание партий на основе религии и ссылок на религию, а выдвижение кандидата на пост президента могло быть осуществлено только зарегистрированной партией. В официальном дискурсе при Мубараке одновременно присутствовали элементы национализма, арабизма, социализма и ислама. Бюрократический контроль над идейно-политической сферой привел к застою не только в политической, но и в культурной жизни. В стране резко упали число и тиражи издаваемых газет, журналов, книг.

В Сирии, где в 2000 г. власть после смерти президента Хафеза Асада перешла к его сыну, была конституционно закреплена ведущая роль левоцентристской партии Баас, которой принадлежало право выдвижения кандидата в президенты. Национальный прогрессивный фронт, состоящий из Баас и ее союзников, в 2007 г. получил на парламентских выборах 167 мест из 250. И в Сирии, и в Египте значимую роль в общественно-политической жизни играла армия, имевшая собственную экономическую базу, состоявшую из промышленных предприятий, строительного бизнеса, пенсионных фондов и др.

В Ливии Муаммар Каддафи эффективно использовал традиционные институты (союзно-вассальные связи племен и ислам). Племенной этос[17] был соединен с «третьей мировой теорией», которая трактовала демократию как систему народного самоконтроля. Все население страны делилось на первичные народные собрания. Всеобщий народный конгресс по сути представлял собой разновидность великого совета, одобрявшего решения первичных собраний, но не делавшего политику. Подлинным законом общества в «Зеленой книге» были провозглашены ислам вкупе с обычаем. Власть стала принадлежать всем – и вопрос о ее подотчетности как бы отпал. В таких условиях не нужна была и формальная институционализация лидерства: Каддафи стал «просто» вождем. Единственными живыми политическими организмами оказались законсервированные традиционалистские силы – племена и разнообразные исламские группы.

Причудливое сочетание авторитарных и либеральных начал позволяет определить выживаемость арабских режимов в 1990–2000-х годах как комбинацию функций репрессивного принуждения и легитимности, при которой уровень репрессий остается относительно стабильным, а уровень легитимности и ее источники изменяются. Вовне в институциональном плане легитимность обеспечивали новые или реорганизованные политические и общественно-политические институты (выборы, партии, неправительственные организации, гуманитарные фонды) и либо бюрократическая ротация в элитах, либо их расширение за счет представителей бизнеса, технократов, получивших образование на Западе и использующих общий с ним язык. Широкое распространение получила «экономизация» политического дискурса, т. е. удерживание конкретных экономических решений и программ в публичном поле.

---

[17] *Этос (греч. – обычай, нрав, характер) – термин древнегреческой философии, обозначающий совокупность устойчивых, стабильных черт характера индивида вследствие его неизменности.*

Использование современных политических форм свидетельствовало, безусловно, о проникновении в регион новых политических стандартов, но не о демократизации. Умеренно-альтернативные выборы, расширение парламентского представительства и создание неправительственных организаций имели целью кооптацию во власть представителей патримониальных структур ради поддержания национальной консолидации «без размежевания». Но и большинство населения в силу доминирования парохиально[18]-подданнического[19] типа культуры голосовало (там, где действовал институт выборов) не за партийные программы или идеологию, а за кандидатов, которые, как предполагалось, обеспечат им определенные услуги (не общественные блага, но помощь в поиске работы, получении лечения и др.). Уровень электоральной активности был низким: например, в Египте в парламентских выборах 2005 г. принимали участие менее 28 % избирателей, президентских – менее 24 % [Shehata S., 2008, p. 114]. Агрегация интересов преимущественно через патрон-клиентские связи (это также очень характерно для монархических систем, где поддерживается система неформального доступа к власть имущим) определяла статичность политического процесса.

Как ни парадоксально, но реально действующими социальными организациями, способными обеспечить лояльность индивидов, служить сетями политической коммуникации и участвовать в урегулировании возникающих конфликтов, оставались мусульманские общины. Этим обусловлено и влияние исламистских организаций как единственной автономной оппозиционной политической силы.

В политической науке наиболее распространенное определение политических режимов Арабского Востока – гибридные, т. е. режимы соревновательного авторитаризма (за исключением традиционного авторитаризма аравийских монархий и слабоконсолидированной ливанской демократии, воспроизводящейся благодаря исторической многосоставности общества). Ларри Даймонд охарактеризовал режим Хосни Мубарака как «гегемонически-электоральный авторитаризм». Однако термин «соревновательный авторитаризм» фиксирует лишь сосуществование авторитарных и либеральных начал. Это видимая часть айсберга, или гибридность в узком понимании слова. При учете хронополитических фаз развития арабских государств гибридность можно трактовать шире – как синтез традиционных и современных структур, обусловленный объективной двойственностью учреждающих оснований политических систем, приобретенной в результате неорганической модернизации.

И последний вопрос перед темой арабских революций: почему недемократические режимы региона так долго сохраняли свою устойчивость? На наш взгляд, дело здесь не в «хронической несовместимости ислама с демократией», а в том, что они имеют свои источники легитимности и подавления: традиционные ценности, неопатримониализм, возможность использования силы и неформальных механизмов наряду с современными институциональными формами. Словом, они способны адаптироваться к требованиям среды, пока не столкнутся с острым дефицитом политических, экономических и культурных ресурсов.

Выше мы отмечали противоречивость взаимодействия Запада и Арабского Востока. Но западное влияние не было прямой причиной дестабилизации – и Европа, и США в целом действовали очень прагматично, особенно после исчерпавших себя «войн за демократизацию». Когда объективные причины (перебои в сбыте нефти, истощение бюджета, падение уровня жизни и пр.) вынудили Каддафи искать пути выхода из изоляции и объявить об отказе от оружия массового уничтожения и согласии выплатить компенсации родственникам погибших в терактах над Локерби и в Нигерии, международные санкции были сняты. В Ливии стали сво-

---

[18] *Парохиальный (приходской, «местечковый», патриархальный) тип политической культуры, для которого характерно отсутствие интереса граждан к политической жизни, знаний о политической системе и значимых для людей ожиданий от ее деятельности.*

[19] *Подданнический тип политической культуры с сильной ориентацией на политические институты и невысоким уровнем индивидуальной активности граждан.*

бодно работать западные нефтяные компании на основе соглашений о разделе продукции с Национальной нефтяной корпорацией. На арене появился и единственный ливийский «реформатор» – Сейф-аль-Ислам аль-Каддафи, который, правда, не занимал никаких официальных постов, но встречался с западными лидерами, говорил о подготовке конституции (проект которой так и не был опубликован) и защите прав человека. Старший Каддафи совершал официальные визиты во Францию, Испанию, Италию и не раз упоминал о дружбе с Сильвио Берлускони. Об этом прагматизме говорят и упоминавшаяся «приземленность» программ в рамках Средиземноморского союза, и стратегические союзные отношения США и НАТО с аравийскими монархиями. Исключением является, вероятно, Сирия, которую Джордж Буш за «поддержку терроризма» причислил к государствам-изгоям, но и она продолжала поставлять нефть Германии, Италии и Франции.

Однако общее влияние международной среды было очень велико и выразилось прежде всего в так называемых «демонстрационных эффектах глобализации» (уровень и качество жизни в различных странах мира, подотчетность власти, функционирование демократических институтов, уважение прав человека и др.), к которым особо восприимчива молодежь. Усилившаяся под влиянием экономических факторов трудовая миграция в Европу также способствовала восприятию новых политических образцов. Развитие новых коммуникационных и информационных технологий (с помощью ЕС и частных компаний) привело к распространению неформальных сетей, которые политические и социоэкономические обстоятельства трансформировали в гражданские структуры (Движение 6 апреля в Египте и др.).

Конечно, серьезным дестабилизирующим фактором стал мировой экономический кризис, который усилил противоречия не только между обществом и правительством, но и между бюрократами и группами интересов внутри правительства (например, экономическим менеджментом и политической бюрократией).

Основные внутренние факторы «арабской весны», о которых мы также рассуждали выше, можно суммировать следующим образом:

– разбалансированность политической, экономической и культурно-образовательной стратегий и социальный конфликт, вызванный как сменой модели взаимоотношений граждан с государством в период экономической либерализации, так и недостаточными компенсаторными механизмами (затрагивает экономическую и политическую подсистемы и характерен для государств, лишенных значительных нефтяных доходов);

– отсутствие/слабое развитие инфраструктуры разрешения кризисов (реальной политической конкуренции, структурированной оппозиции, выборов, представительных институтов);

– значительный рост доли молодежи в демографической структуре (результат всплеска рождаемости в 1985–1990-х гг.) и формирование нового образованного молодого поколения, социализированного в большой степени в условиях постматериальных ценностей [подробнее см.: Коротаев А.В., Зинькина Ю.В.];

– усталость населения от правящих элит из-за отсутствия не только конкуренции, но и ротации;

– оскудение идейных ресурсов политических элит (национальная идея в арабском мире исторически имела форму лояльности государственной власти, однако в условиях быстрых социальных изменений ее несоответствие ожиданиям и политический цинизм привели к мощному выплеску народного возмущения).

Развитие и интенсивность процессов «арабской весны» определялись в каждой из затронутых ею стран конкретными комбинациями факторов. По спектру проявления их можно типологизировать следующим образом.

А. Массовые волнения, вооруженные конфликты:

Ливия – массовые волнения и вооруженный конфликт с внешним вмешательством; распад «джамахирийи», убийство Каддафи и объявление «переходного периода» с техническим правительством;

Йемен – массовые беспорядки с применением оружия со стороны правительственных сил и оппозиции; перестановки в правительстве и договоренность об отказе президента Али Абдаллы Салеха от власти и проведении свободных парламентских выборов;

Сирия – массовые беспорядки с применением оружия со стороны правительственных сил и оппозиции; перестановки в правительстве; обещание диалога с оппозицией и свободных выборов; замораживание членства в ЛАГ и международные санкции в связи с «применением насилия против мирных жителей».

Б. Общенациональные волнения и смена режима:

Тунис – общенациональные волнения и смена режима; свободные выборы;

Египет – общенациональные волнения и смена режима; переходный период во главе с военной администрацией; свободные общенациональные выборы.

В. Массовые беспорядки, перестановки в правительстве и внешнее вмешательство:

Бахрейн – массовые беспорядки со стороны шиитского населения с вводом военных сил Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ); перестановки в правительстве и срочные денежные выплаты.

Г. Протесты, перестановки в правительстве, отдельные институциональные изменения, срочные экономические компенсации:

Алжир – массовые демонстрации и отмена режима чрезвычайного положения (введено в 1992 г.);

Марокко – протесты, перестановки в правительстве, конституционная реформа в сторону усиления законодательных полномочий парламента и гарантий независимости судебной власти, досрочные парламентские выборы;

КСА – протесты, срочные денежные выплаты, предоставление женщинам права голоса на выборах в муниципальные советы и Консультативный совет в 2013 г.;

Оман – протесты, перестановки в правительстве, заявление о придании законодательных полномочий обеим палатам Консультативного совета, срочные финансовые выплаты;

Ливан – протесты, перестановки в правительстве, повышение зарплат;

Иордания – протесты и перестановки в правительстве;

Кувейт – протесты, перестановки в правительстве, срочные денежные выплаты;

Ирак – протесты, кадровые перестановки на региональном уровне, обещание премьер-министра не выдвигаться на выборах 2014 г.;

Судан, Мавритания, САДР[20] – протесты.

Какие же арабские политии оказались на настоящий момент наиболее глубоко затронуты общественно-политическими трансформациями? Это республиканские системы с неконкурентной политической сферой и не легализованными ранее исламистскими партиями (Тунис, Египет, Сирия); республиканские системы с конкуренцией политических и экономических центров (Ливия, Йемен); монархические системы с совпадающими секторальными конфессиональными, политическими и социально-экономическими размежеваниями (Бахрейн).

Ход и направленность общественно-политических трансформаций определяются характером переживаемых этапов государственного и национального строительства. Учет этого обстоятельства позволяет определить перспективы происходящих процессов, взяв за основу уровень институционального развития:

– демократизация – Тунис, Египет;

[20] *Сахарская Арабская Демократическая Республика.*

– для остальных республиканских систем, Марокко и Иордании – ускорение либерально-демократических реформ;

– для монархий стран Персидского залива – плавная либерализация;

– состояние политического распада / полураспада – Ливия, Йемен, Сирия (ситуация в последней во многом зависит от внешнеполитической динамики, прежде всего отношений между Сирией, Ираном и КСА).

Примечательно, что первая реакция Европы/Запада на арабские кризисы была непоследовательной и несогласованной. Для мировых лидеров было характерно следование за событиями, противоречивость публичных заявлений и длительное определение официальной позиции. Так, французский министр иностранных дел за несколько дней до отставки президента Бен Али предлагала направить десантников для установления правопорядка [Мишель…], в то время как другие политики приветствовали выражение воли народа Туниса; из 28 стран НАТО, взявших обязательства по операции в Ливии, только 8 активно участвовали в ней (хотя частично это было вызвано разницей в оснащении и возможностях стран-участниц) [Marquand R.] и т. д. На ливийском примере хорошо заметно не только снижение активности США по сравнению с первой половиной 2000-х годов, но и отсутствие консолидированной позиции ведущих мировых игроков в условиях нехватки политических, военных и финансовых ресурсов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.